

ФЛАННЕРИ

О'КОННОР

*ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ
СИЛОЮ БЕРЕТСЯ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Фланнери О'Коннор

Царство Небесное силою берется

«Издательство АСТ»

1960

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

О'Коннор Ф.

Царство Небесное силою берется / Ф. О'Коннор — «Издательство АСТ», 1960 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-133137-5

Роман, не однажды сравнивавшийся критиками со «Звуком и яростью» Фолкнера. «Дьявол борется с Богом, и поле этой битвы – сердца людей» – вот лучшее определение для необычной, трогательной истории четырнадцатилетнего паренька из южной глубинки, воспитанного дедом – суровым пуританином – для великой миссии Учителя. После его смерти Фрэнсис пытается отвергнуть свое пророческое призвание и отправляется в большой город, где его ждет одно трагикомическое испытание за другим...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-133137-5

© О'Коннор Ф., 1960

© Издательство АСТ, 1960

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Фланнери О'Коннор

Царство Небесное силою берется

Flannery O'Connor
THE VIOLENT BEAR IT AWAY

© Flannery O'Connor, 1960
© Перевод. А. Василенко, 2021
© Перевод. В. Михайлин, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

*Посвящается Эдварду Фрэнсису О'Коннору
(1896–1941)*

*От дней же Иоанна Крестителя доньне Царство Небесное силою
берется, и употребляющие усилие восхищают его.
Мф. 11:12*

Часть I

Глава 1

Не прошло и дня с тех пор, как дед Фрэнсиса Мариона Таруотера помер, а мальчишка был уже в стельку пьян. По этой самой причине ему и не удалось до конца отрыть для старика могилу, и завершать начатое пришлось негру по имени Бьюфорд Мансон, который пришел за самогоном. Он оттащил покойника от стола, где тот сидел за накрытым завтраком, и похоронил его как подобает, по-христиански, с символом Спасителя нашего в головах, а могильный холм он сделал достаточно высоким, чтобы его не разрыли собаки. Бьюфорд пришел около полудня, а когда уходил на закате, мальчишка, Таруотер, все еще не прочухался.

Старик приходился Таруотеру двоюродным дедом, по крайней мере он так говорил, и, насколько мальчик помнил, они всегда жили вместе. Дед говорил, что ему было семьдесят лет, когда он спас мальчика и взялся за его воспитание, а умер он, когда ему было восемьдесят четыре. Выходит, самому Таруотеру должно быть четырнадцать лет, подсчитал Таруотер. Дед научил его Счету, Чтению, Письму и Истории, которая начиналась с того, как Адама выгнали из Райского Сада, а потом шла через всех президентов вплоть до Герберта Гувера и далее на перспективу как раз до Второго Пришествия и Страшного суда. Дед не только дал мальчику хорошее образование, но и спас его от другого имевшегося в наличии родственника, племянника старого Таруотера; тот был школьный учитель, своих детей на тогдaшний момент не имел, а потому этого, оставшегося от сестры-покойницы, хотел воспитать в духе собственных идей.

Старик знал его как облупленного, со всеми его идеями. Три месяца он жил в доме у своего племянника – из Милости, как ему поначалу казалось, а потом, по его собственным словам, до него дошло, что никакая Милость там и близко не лежала. Все время, пока он там жил, племянник тайно изучал его. Этот самый племянник, который принял его как бы из Милости, на самом деле норовил залезть к нему в душу через черный ход, задавал двусмысленные вопросы, расставлял по всему дому ловушки и наблюдал, как старик в них попадает, а кончилось все это статьей в журнале для школьных учителей. Смрад от подобного нечестия восстал до небес, и Господь собственноручно спас старика. Он ниспослал ему Видение, приказав умыкнуть сироту и отправиться вместе с ним в самую что ни на есть отдаленную пустынь и воспитать младенца во Славу Искупления грехов людских. Господь пообещал ему долгую жизнь, и старик, утащив ребенка прямо из-под носа у школьного учителя, поселился с ним среди лесов, на вырубке под названием Паудерхед, на которую у него было право пожизненного владения.

Старик называл себя пророком, и мальчика воспитал в убеждении, что Господне призвание непременно снизойдет и на него тоже, и готовил внука к тому дню, когда это произойдет. Он научил его, что путь пророка тернист, и на долю ему выпадают разные бедствия, и бедствия мирские суть пустяк в сравнении с теми, что посланы Господом, дабы испепелить пророка истиной. Его самого Господь тоже испепелял – и не раз. И через огонь Господень ему даровано было знание.

Он был призван в годы ранней юности и направил стопы свои в город возвестить о гибели, что ожидала мир, ибо мир отрекся от Спасителя. Неистово вещал он, что узрят человеки, как солнце взорвется в крови и пламени; но пока он бушевал и возвещал грядущие бедствия, солнце каждое утро вставало, спокойное и самодовольное, как будто не то что человеки, но даже сам Господь не слышал пророчеств и не внял их смыслу. Оно вставало и садилось, вставало и садилось над миром, и мир своим чередом становился то белым, то зеленым; то белым, то зеленым; то белым, то опять зеленым. Оно вставало и садилось, и он уже отчаялся, что Бог когда-нибудь услышит его. Но однажды утром он с восторгом увидел, как вышел из светила

перст огненный, и не успел старик отвернуть лице свое, не успел закричать, как перст сей коснулся его и предсказанная гибель постигла его собственный разум и собственную плоть. Не кровь человек иссохла в жилах их, но – его кровь.

Многому научившись на своих ошибках, дед имел право наставлять Таруотера – когда мальчик был не прочь послушать – в нелегком деле служения Господу. Таруотер имел на сей счет свои собственные соображения и слушал старика в нетерпеливой уверенности, что уж он-то точно никаких ошибок не наделает, когда придет время и Господь его призовет.

Господь еще не раз вразумлял старика пламенем, но с тех пор, как дед забрал Таруотера у школьного учителя, такого больше не случалось. В тот раз видение было отчетливым и ясным. Он знал, от чего спасает мальчика, и делал это во спасение, а не погибели для. Он многое постиг и ненавидел грядущую гибель мира, но не сам мир.

Рейбер, школьный учитель, вскорости выяснил, где они поселились, и явился на вырубку, чтобы забрать младенца. Машину ему пришлось оставить на проселке и целую милю идти пешком через лес по едва заметной тропинке, прежде чем он добрался до засаженного кукурузой клочка земли, посреди которого стояла ветхая двухэтажная лачуга. Старик часто и с удовольствием рассказывал Таруотеру, как мелькало в кукурузе красное, вспотевшее, исколотое колючками лицо племянника и за ним – розовая шляпка с букетиком: потому что племянник притащил с собой женщину из службы социальной защиты. В тот год кукурузное поле у деда начиналось в четырех футах от крыльца, и когда учитель выбрался из кукурузы, в дверях появился старик с дробовиком и крикнул, что пристрелит любого, кто ступит ногой на крыльцо, и покуда женщина из соцзащиты, взъерошенная, как несушка, которую согнали с кладки, выкарабкивалась из кукурузы, эти двое стояли и пристально смотрели друг на друга. Старик говорил, что, если бы не женщина из соцзащиты, племянник бы даже не дернулся. Колючки кустов до крови расцарапали им лица, а у женщины из соцзащиты к рукаву кофты прицепилась веточка ежевики.

Она всего-то навсего перевела дыхание, медленно, так, словно дошла до последней крайности, но племяннику и этого было достаточно, он поднял ногу и поставил ее на ступеньку крыльца, и старик прострелил ему ногу. Для Таруотеровой пользы он рассказывал, как на лице племянника появилось выражение праведного гнева, и эта самая праведность так взбесила его, что он поднял дробовик немного повыше и снова нажал на курок, на этот раз отстрелив кусочек учительского правого уха. Второй выстрел выбил из племянника всякую праведность, его лицо стало пустым и белым, обнаружив полную пустоту внутри, обнаружив – в чем старик время от времени готов был признаться – и собственное его поражение, ибо когда-то очень давно он пытался, но не сумел спасти племянника. Он выкрал его семилетним младенцем, увез в пустынь, окрестил и наставил на путь истинный, рассказав об Искуплении, но через несколько лет племянник забыл наставления и избрал себе другую стезю. Иногда старику начинало казаться, что он сам толкнул племянника на этот новый путь, он замолкал на полуслове, замолкал и застывал, тупо уставившись перед собой так, словно у ног его разверзлась бездна.

Тогда он удалялся в лес, оставив Таруотера на вырубке одного, порой на несколько дней, пока ему не удавалось сторговаться с Господом и восстановить на душе мир, а когда дед возвращался, растрепанный и голодный, мальчику казалось, что вид у него и впрямь как у настоящего пророка. Вид у него был такой, будто он всю ночь боролся с дикой кошкой, и в голове у него все еще теснятся видения, которые открылись ему в ее желтых глазах, – светящиеся колеса и странные звери с гигантскими огненными крыльями и о четырех головах, которые были повернуты на четыре стороны света. И Таруотер в такие минуты знал, что, когда его призовут, он скажет: «Вот я, Господи!» Но иногда в дедовых глазах не горело огня, и он говорил только о зловонной, потной тяжести креста, о том, что люди принимают второе рождение

только затем, чтоб умереть, и целую жизнь проводят, проедая хлеб жизни, и тогда мальчик отпускал свои мысли на волю, и они разбредались которая куда.

Старикова мысль не всегда скользила вдоль этой истории на одной и той же скорости. Иногда, словно не желая вспоминать о том, как он подстрелил собственного племянника, дед перескакивал через соответствующий эпизод и подробно останавливался на том, где эта парочка, племянник и женщина из соцзащиты (у нее даже имя и то было смешное: Берника Пресвитер), удирали прочь, шелестя кукурузой, и как вопила на ходу женщина из соцзащиты: «Что ж вы сразу не сказали? Знали же, что он псих!»; а потом он побежал на второй этаж и смотрел из окошка, как они выбрались наконец из кукурузы на другом конце поля, и женщина обхватила племянника за талию, чтобы он не упал, и тот ускакал на одной ноге в лес. Потом-то старик узнал, что он на ней женился, хотя она и старше его в два раза, но больше одного ребенка выродить с ней, понятное дело, так и не смог. И дорожку в Паудерхед заказала ему именно она.

А Господь, говорил старик, упас этого единственного ребенка, которого учитель выродил со своей женой, от родительской порчи. Он избрал единственно возможный путь спасения: мальчонка родился идиотом. Здесь старик делал паузу, дабы Таруотер ощутил всю силу этого таинства. С тех пор как дед узнал о существовании ребенка, он несколько раз предпринимал походы в город с целью выкрасть младенца и окрестить его, но всякий раз возвращался ни с чем. Школьный учитель был начеку, да и старику к тому времени умыкать детей стало не так легко, как прежде, – он растолстел и подрастерял былую сноровку.

– Если смерть помешает мне окрестить его, – сказал старик Таруотеру, – придется тебе это сделать. И это будет первая миссия, которую Господь пошлет тебе.

Мальчик сильно сомневался в том, что крещение идиота может стать его первой миссией.

– Ну уж нет, – сказал он, – Господь вовсе не хочет, чтобы я доделывал то, что после тебя останется. Для меня у него припасено кое-что другое. – И он подумал о Моисее, который извел воду из скалы, об Иисусе Навине, который остановил солнце, о Данииле, взглядом укротившем львов.

– Думать за Господа не твоя забота, – сказал дед. – И суд его возденет кости твои.

В то утро, когда старику пришла пора помереть, он, как обычно, спустился вниз, приготовил себе завтрак и помер, так ничего и не съев. Весь первый этаж у них занимала кухня, большая и темная, с дровяной печью в одном конце и широким столом возле печки. По углам стояли мешки с запасами еды и кукурузного солода, а всякие железки, опилки, старые веревки, лестница и прочее барахло валялось там, где их бросил старик – или Таруотер. Раньше они и спали на кухне, но однажды ночью в окно забралась рысь, и напуганный старик перетащил кровать наверх, где имелись две пустые комнаты. Он тогда напроорочил, что лестница будет стоять ему десяти лет жизни. Перед тем как умереть, он сел за стол, взял красной квадратной рукой нож и стал подносить его ко рту, но тут вдруг вид у него сделался удивленный до крайности, он стал опускать руку, пока она не опустилась на край тарелки и не сшибла ее со стола.

Старик был похож на быка. Голова у него росла прямо из плеч, а белесые глаза навывкате выглядели как две рыбы, которые попали в красную нитяную сеть и все пытаются вырваться. Он носил шляпу невнятного, как оконная замазка, цвета, с загнутыми вверх полями, и поверх нательной фуфайки – серое пальто, которое когда-то было черным. Таруотер, сидевший за столом напротив него, увидел, как у деда на лице выступили красные полосы, как следы от веревки, а по телу прошла дрожь, похожая на землетрясение, которое началось прямо в сердце и постепенно поднимается к поверхности. Его рот резко съехал на сторону, и он так и остался сидеть, не теряя равновесия: между его спиной и спинкой стула было добрых шесть дюймов, а животом он упирался в край стола. Взгляд белесых мертвых глаз остановился прямо на мальчике.

Таруотер почувствовал, как дрожь стала другой и как она добралась уже до него самого. До старика можно было даже не дотрагиваться – и так было понятно, что он умер; и мальчик продолжал сидеть за столом напротив трупа, угрюмо и растерянно доканчивая завтрак, словно находился в присутствии незнакомца и не знал, что сказать. Наконец он сказал ворчливо:

– Не гони, да? Я ведь уже сказал, что сделаю все как положено.

Голос показался каким-то чужим, будто смерть изменила не деда, а его самого.

Он встал и вышел на заднее крыльцо, прихватив с собой свою тарелку, которую поставил на нижнюю ступеньку, и два черных длинноногих бойцовских петуха тут же дернули к нему через весь двор и склевали то, что на ней осталось. На заднем крыльце стоял длинный сосновый ящик. Мальчик сел на него, и его руки стали машинально распутывать веревку, а длинное лицо уставилось через вырубку куда-то поверх леса, который уходил вдаль серыми и багряными волнами, пока у самого горизонта не превращался в зубчатую крепостную стену, подпиравшую пустое утреннее небо.

Паудерхед располагался в стороне не только от грунтовки, но и от ближайшего проселка, и от прохожих троп, и, чтобы добраться до него, ближайшим соседям, цветным, не белым, приходилось идти через лес, продираясь сквозь густую сливовую поросль. Когда-то здесь стояли два дома; теперь дом был только один, и мертвый его хозяин сидел внутри, а живой – снаружи, на крыльце, и собирался хоронить мертвого. Мальчик знал: сперва придется похоронить старика, иначе никак. Такое впечатление, что, если не присыплешь его землей, он как бы и не совсем мертвый. И думал он об этом даже с некоторым облегчением, потому что так меньше давала о себе знать другая тяжесть, угнездившаяся внутри.

Несколько недель назад старик заделал под кукурузу еще один акр земли, слева, и перевалил даже через изгородь, так что эта полоска тянулась теперь почти до самого дома. Получилось, что ровно посередине участок разделен двумя нитями колючей проволоки. Туман горбатыми клубами подбирался к изгороди, готовясь нырнуть под него и дальше ползти по двору, как охотничья собака.

– Я эту изгородь уберу, – сказал Таруотер. – Не надо мне никакой изгороди посреди моего участка. – Голос у него оказался неожиданно громким и резал ухо. Мысленно он продолжил: не тебе здесь хозяйничать. Школьный учитель теперь тут хозяин.

Это моя земля, потому что я здесь живу, и никто меня отсюда не выставит. Если какой-нибудь там школьный учитель вздумает явиться сюда и качать права, я его убью.

Господь может выставить тебя отсюда, подумал он. Вокруг стояла мертвая тишь, и мальчик почувствовал, как у него набухает сердце. Он затаил дыхание, будто ждал, что вот-вот услышит глас небесный. Через несколько секунд он услышал, как под крыльцом скребется курица. Он яростно вытер рукой нос, и понемногу на лицо его вернулась привычная бледность.

На нем были выцветший комбинезон и серая шляпа, натянутая на уши как кепка. У деда было в обычае никогда не снимать шляпу, разве что только на ночь, и мальчик тоже следовал этому обычаю. До сего дня он всегда следовал дедовым обычаям; но если я захочу убрать эту изгородь до того, как похороню старика, ни одна живая душа не сможет мне помешать, подумал он; и слова никто поперек не скажет.

Сперва похорони его, и дело с концом, сказал чужой голос громко и каким-то мерзким тоном. Мальчик встал и пошел искать лопату.

Сосновый ящик, на котором он сидел, был гроб для деда, но употреблять его в дело Таруотер не собирался. Старик был слишком тяжелый для того, чтобы тощий пацаненок смог в одиночку перевалить его через борт, и хотя старый Таруотер несколько лет назад собственноручно соорудил себе этот гроб, но сказал, что, если, когда придет время, мальчик не сдюжит положить его туда, можно будет просто опустить его в яму как есть, нужно только, чтобы яма была достаточно глубокой. Он сказал, что хочет лежать на глубине в десять футов, а не в каких-нибудь восемь. Ящик он мастерил долго, а когда закончил, нацарапал на крышке МЕЙСОН

ТАРУОТЕР, С БОГОМ, забрался в него, прямо там же, на заднем крыльце, и какое-то время лежал, так что наружу торчал только его живот, как переувлажненный хлеб над краем формы. Мальчик стоял рядом с ящиком и разглядывал его.

– Все там будем, – удовлетворенно сказал старик, и его скрипучий голос уютно угнездился между стенками гроба.

– Больно ты здоров для этого ящика, – сказал Таруотер. – Пожалуй, придется сесть на крышку и поднажать или подождать, пока ты чуток подгниешь.

– Не надо, – сказал старый Таруотер. – Слушай. Если, когда придет время, у тебя не хватит сил пустить этот ящик в дело, ну, там, поднять его или еще что, просто опусти меня в яму, но только чтобы глубоко. Я хочу, чтобы в ней было десять футов, не каких-нибудь восемь, а десять. Можешь просто подкатить меня к ней, если по-другому не выйдет. Катиться у меня получится. Возьмешь две доски, положишь на ступеньки и толкнешь меня. Копать будешь в том месте, где я остановлюсь. И не дай мне свалиться в яму, пока выроешь, сколько надо. Подопрешь меня кирпичами, чтоб я не скатился ненароком, да смотри, чтоб собаки меня не столкнули, пока яма не готова. Собак лучше вообще запереть, – сказал он.

– А если ты помрешь в постели? – спросил мальчик. – Как тебя вниз по лестнице спускать?

– В постели я не помру, – сказал старик. – Как услышу, что Господь призывает меня к себе, побегу вниз. Постараюсь добраться до самой двери, если получится. Ну а если все-таки наверху, просто скатишь меня вниз по ступенькам, да и все дела.

– Господи Боже мой, – сказал мальчик.

Старик сел в своем ящике и ударил кулаком о край.

– Слушай меня, – сказал он. – Я тебя никогда особо ни о чем не просил. Я взял тебя к себе, воспитал, спас от этого городского дурака, и теперь все, о чем прошу взамен, – когда я умру, предать мое тело земле как положено и поставить надо мной крест, чтобы видно было, где я есть. Одна-единственная просьба, и все. Я даже не прошу тебя сходить за черномазыми, чтобы они помогли тебе отвезти меня туда, где похоронен мой папаша. Мог бы попросить, но не прошу. Я все делаю, чтоб тебе легче было. Только и прошу, чтоб ты предал мое тело земле и поставил крест.

– Хватит и того, что я тебя в землю закопаю, – сказал Таруотер. – Я с этой ямой так наламаюсь, а тут ему еще и крест ставь. Я со всякой мурой возиться не собираюсь.

– Мура! – зашипел дед. – Узнаешь, какая это мура, когда настанет день и будут собирать кресты! Главная почесть, которую ты можешь воздать человеку, – это похоронить его подобающим образом! Я взял тебя сюда, чтобы воспитать христианином, даже больше, чем просто христианином – пророком! – в голос вопил дед. – И груз сей да пребудет на тебе вовеки!

– Если у меня у самого сил не хватит, – сказал мальчик, пристально глядя на старика, – то я сообщу дяде в город, чтоб он приехал и позаботился о тебе. Своему дяде, школьному учителю, – медленно сказал он, глядя, как бледнеют оспины на багровом дедовом лице. – Вот он тобой и займется.

Нити, в которых запутались стариковы глаза, набухли. Он схватился за стенки гроба и толкнул руками вперед, как будто собрался съехать на нем с крыльца.

– Он кремирует меня, – хрипло сказал дед, – сожжет мою плоть в печке и развеет мой прах. «Дядя, – говорит он мне как-то раз, – вы же самое настоящее ископаемое!» Он нарочно заплатит похоронщику, чтобы тот меня сжег и чтобы потом можно было развеять мой прах, – сказал дед. – Он не верит в воскресение из мертвых. Он не верит в Страшный суд. Он не верит в хлеб жизни...

– Покойникам, им вообще без разницы, – прервал его мальчик.

Старик схватил его за лямки комбинезона, подтянул к себе так, что мальчик стукнулся о гроб, и уставился прямо в его бледное лицо.

– Этот мир был создан для мертвых. Ты только подумай, сколько в мире мертвых, – сказал он, а потом добавил, словно ему была явлена цена всей тщеты людской: – Мертвых в миллион раз больше, чем живых, и любой мертвый будет мертв в миллион раз дольше, чем проживет живой. – Он отпустил мальчика и засмеялся.

Мальчик был потрясен, но ничем себя не выдал, разве что чуть вздрогнул. Через минуту он сказал:

– Школьный учитель мне дядя. Единственный нормальный кровный родственник, который у меня останется, и живой человек. И если я захочу пойти к нему, я пойду; так-то.

Старик молча смотрел на него, казалось, целую минуту. Затем он хлопнул ладонями по стенкам ящика и проревел:

– Послан на вас меч – и кто отклонит его? Послан на вас огонь – и кто угасит его? Посланы на вас бедствия – и кто отвратит их?

Мальчик вздрогнул.

– Я спас тебя, чтобы ты был самим собой! Самим собой, а не формулой у него в голове! Если бы ты жил у него, то был бы формулой, – сказал он. – Он разложил бы тебя в своей голове по полочкам! И более того, – сказал он, – ты бы ходил в школу!

Мальчик скорчил рожу. Старик всегда внушал ему, что избавление от школы было для него великим благом. Господь счел целесообразным воспитать его в чистоте и уберечь от порчи – сберечь как избранного своего слугу, коего пророк воспитает для пророчеств. В то время как других детей согнали в комнату и женщина учит их вырезать из бумаги тыквы, он волен искать мудрости, а его наставники в духе суть Авель и Енох, и Ной, и Иов, и Авраам с Моисеем, и царь Давид, и Соломон, и все пророки – от Илии, который спасся от смерти, до Иоанна, чья отсековенная голова излила ужас с блюда.

И мальчик понял, что его спасение от школы есть вернейший знак избранности. Школьный инспектор приходил только раз. Господь подсказал старику, что это случится и что в этом случае делать, а старик, в свою очередь, наставил мальчика, как себя вести в тот день, когда под личиной инспектора к ним явится посланник дьявола. Когда время пришло и они увидели, как он идет по полю, оба уже были во всеоружии. Мальчик спрятался за домом, а старик сел на крыльце и стал ждать.

Когда инспектор, худой лысый мужчина в широких красных подтяжках, выбрался из кукурузы на утоптаный двор перед домом, он осторожно поздоровался со стариком Таруотером и начал излагать свое дело, как будто и без того не было ясно, зачем он пришел. Сперва он сел на крыльце и завел разговор о плохой погоде и плохом здоровье. И потом, глядя через поле вдаль, он сказал:

– А у вас ведь есть мальчик, правда? И этот мальчик вроде как должен ходить в школу.

– Хороший мальчик, – сказал старик, – и если бы кто-нибудь решил, что может чему-то его научить, – я бы возражать не стал. Эй, парень! – крикнул он. Мальчик явно не спешил. – Эй, парень, иди сюда! – заорал старик.

Через несколько минут из-за угла дома показался Таруотер. Глаза у него были открыты, но смотрели как-то странно. Голова дергалась, плечи обвисли, а изо рта висел язык.

– Не шибко смысленный, – сказал старик, – но парнишка что надо. Позовешь – он придет.

– Да, – сказал школьный инспектор, – может, его и правда лучше оставить в покое.

– Не знаю, может, ему и понравится в школе, – сказал старик. – Просто он уже два месяца никак не соберется сходить и посмотреть, как оно там.

– А то, может, лучше пусть дома и остается, – сказал инспектор. – Не хотелось бы уж очень его перегружать. – После чего сменил тему. Вскорости он откланялся; они оба сидели на крыше и удовлетворенно наблюдали, как фигура в красных подтяжках идет назад через поле, постепенно уменьшаясь в размерах, пока красные подтяжки наконец совсем не исчезли из виду.

Если бы школьный учитель запустил в него когти, сейчас он сидел бы в школе, один из многих, незаметный в толпе, а в голове учителя и вовсе стал бы чем-то вроде формулы из букв и цифр.

– Он и меня таким хотел сделать, – сказал старик. – Думал, если напишет обо мне в этом журнале для школьных учителей, то я и вправду разложусь на буквы-циферки.

В доме у школьного учителя, считай, ничего и не было, кроме книг и всяческой бумаги. Когда старик переезжал туда жить, он еще не знал, что всякую живую вещь, которая через глаза племянника попадает ему в голову, племянников мозг тут же превратит в книгу, или в статью, или в таблицу. Школьный учитель обнаружил большой интерес к тому, что старик – пророк, избранный Богом, и постоянно задавал ему вопросы, а ответы иногда даже записывал себе в блокнот и поблескивал глазенками, как будто совершил открытие.

Старик было вообразил, что ему удалось сдвинуть племянника с мертвой точки в великом деле Искупления, ибо тот по крайней мере слушал, хотя ни разу так и не сказал, что уверовал. Казалось, слушать дядины проповеди было ему в радость. Он подробно расспрашивал его о былых временах, о которых старый Таруотер уже в общем-то ничего не помнил. Старик думал, что этот интерес к праотцам принесет плоды, а принес он – стыд и срам! – одни слова, пустые и мертвые. Он принес семя сухое и бесплодное, не способное даже сгнить, мертвое от самого начала. Время от времени старик выплевывал из рта, подобно сгусткам яда, отдельные идиотские фразы из той статьи, которую опубликовал учитель. Гнев слово в слово выжег их в его памяти. «Причиной его фиксации на богоизбранности является чувство неуверенности в себе. Испытывая потребность в призвании, он призвал себя сам».

– Призвал себя сам! – шипел старик. – Призвал себя сам! – Это приводило его в такую ярость, что он даже делать ничего не мог, а только ходил и повторял эту фразу: – Призвал себя сам. Я призвал себя сам. Я, Мейсон Таруотер, призвал себя сам! Призвал, чтоб связали меня и били! Призвал, чтобы плевали и надсмехались надо мной! Призвал, чтоб уязвлена была гордость моя. Призвал, чтоб терзали меня пред лицом Господним! Слушай, мальчик! – говорил он и, сграбастав внука за грудки, принимался медленно его трясти. – Даже милость Господня обжигает. – Он разжимал пальцы, и мальчик падал в терновую купель этой мысли, а старик продолжал шипеть и скрипеть: – Он хотел меня в журнал засунуть – вот чего он хотел. Думал, если вставит меня в этот журнал, я там и останусь, весь такой из букв и цифр, как у него в голове, и всех делов. И точка. Ну, так не вышло! Вот он я. И вот он ты. На свободе, а не в чьей-то голове!

И голос покидал его, как будто был самой свободной частью его свободной души и рвался прежде срока покинуть его земную плоть. И что-то такое было в ликовании двоюродного деда, что захватывало и Таруотера, и он чувствовал, что спасся из некоего таинственного земного узилища. Ему даже казалось, что он чувствует запах свободы, хвойный, лесной, пока старик не добавлял:

– Ты рожден был в рабстве, и крещен в свободу, и смерть твоя в Боге, в смерти Господа нашего Иисуса Христа.

И тогда мальчик чувствовал, как медленно вскипает в нем негодование, теплая волна обиды на то, что его свобода должна быть непременно связана с Иисусом и что Господом непременно должен быть Иисус.

– Иисус есть хлеб наш насущный, – говорил старик.

Мальчик, смущенный и расстроенный, смотрел вдаль, поверх темно-синей линии леса, где расстилался мир, таинственный и свободный.

В самой темной, самой скрытой части его души висело вверх ногами, словно летучая мышь, ясное и неоспоримое представление о том, что голода по хлебу насущному он не испытывает. Разве купина, вспыхнувшая для Моисея, солнце, остановленное для Иисуса Навина, львы, остановившиеся пред Даниилом, были всего лишь обещанием хлеба насущного? Мысль

об этом приходила как страшное разочарование, и он боялся: а вдруг именно так все и есть? Старик сказал, что сразу после смерти отправится к берегам озера Галилейского, чтобы вкушать хлеба и рыбы, преумноженные Господом нашим.

– Во веки вечные? – в ужасе спросил мальчик.

– Во веки веков, – сказал старик.

Мальчик почувствовал, что этот голод есть самая суть старикова безумия, и втайне боялся, что он, этот голод, может передаться ему, раствориться в крови и однажды взорваться, и тогда он сам точно так же, как старик, будет мучиться от голода, потому что в животе у него разверзнется бездна, такая, что ничто не сможет излечить ее или насытить, кроме хлеба насущного.

Он старался по возможности не думать об этом, смотреть на все спокойно и ровно, видеть только то, что у него перед глазами, и не давать взгляду проникать под поверхность вещей. Он как будто боялся, что, если задержит на чем-нибудь взгляд хоть на секунду дольше, чем то необходимо, чтобы просто понять, что перед ним – лопата, мотыга, круп мула, запряженного в плуг, или комья красной вывороченной плугом земли, – эта вещь тотчас встанет перед ним, странная и пугающая, и потребует, чтобы он дал ей имя, одно-единственное, принадлежащее ей по праву, и отвечал за свой выбор отныне и во веки веков. Он пытался всеми способами избежать этой пугающей личной вовлеченности в процесс творения. Когда настанет день и вострубит труба, ему хотелось, чтобы глас трубный прозвучал среди неба пустого и чистого, и был он голосом Господа Всемогущего, не причастного ни плоти, ни дыхания плоти.

Он ожидал увидеть колеса огненные в глазах неведомых зверей. Он ждал, что это случится, как только умрет его двоюродный дед. Он решил не думать об этом и пошел за лопатой. Он шел и думал: школьный учитель – живой человек, но лучше ему сюда не соваться и не пытаться забрать меня отсюда, потому что я его убью. Если пойдешь к нему – будешь проклят, сказал дед. До сих пор мне удавалось тебя от него спасти, но если ты пойдешь к нему, как только я умру, я уже ничего не смогу сделать.

Лопата лежала рядом с курятником.

– Ноги моей больше не будет в городе, – вслух сказал себе мальчик. – Я никогда не пойду к нему. Ни ему, никому другому не удастся выставить меня отсюда.

Он решил рыть могилу под смоковницей, потому что смоквам старик пойдет на пользу. Верхний слой почвы был песчаный, ниже шла самородная глина, и каждый раз, пройдя через песок, лопата издавала лязгающий звук. Старик как каменный, и в нем фунтов двести, подумал он, навалился на лопату и принялся разглядывать белесое небо сквозь листья смоковницы. Глина каменная, и на то, чтобы выдолбить в ней подходящую яму, уйдет целый день, а школьный учитель сжег бы его за минуту.

Таруотер видел школьного учителя один раз в жизни футов с двадцати, а слабоумного мальчонку – еще того ближе. Мальчик был здорово похож на старого Таруотера, если не считать глаз, серых, как у старика, но таких ясных, как будто за ними открывались два колодца, на дне которых, глубоко-глубоко, плескались две лужицы света. Один раз глянешь – и сразу ясно, что в голове у него хоть шаром кати. Старик был настолько ошарашен этим сходством – и несходством, что в тот раз, когда они с Таруотером туда ходили, он все время простоял в дверях, глядя на мальчонку и облизывая губы, как будто у него у самого были не все дома. Мальчика он видел впервые, но забыть его уже не смог.

– Нет, ты подумай, он на ней, значит, женился, выродил с ней одного-единственного ребятенка, да и того без мозгов, – бормотал он. – Хоть ребенка Господь уберег и теперь хочет, чтобы мы его крестили.

– Почему же ты тогда этим не займешься? – спросил мальчик, ибо ему хотелось, чтобы что-нибудь произошло, хотелось увидеть старика в действии, чтобы он похитил ребенка, а учитель пустился бы за ними в погоню, чтобы Таруотер мог поближе взглянуть на другого

своего близкого родственника. – Что тебе мешает? – спросил он. – За чем дело-то стало? Давно бы уже подсуетился и выкрал его.

– Меня направляет Господь Бог, – сказал старик. – И всякому делу у него свой срок. Ты мне не указ.

Белый туман, который висел во дворе, уполз и осел в следующей ложбине, и воздух стал чистым и прозрачным. У старика никак не шел из головы дом школьного учителя.

– Три месяца я там провел, – сказал он. – Какой срам! Три месяца меня водили за нос в доме сородичей моих; и если после смерти моей ты захочешь выдать предателю труп мой и посмотреть, как будет гореть моя плоть на костре, – валяй. Не стесняйся! – вскричал он, подскакивая в своем ящике. Лицо его пошло пятнами. – Ступай к нему, и пусть он сожжет мою плоть, но только впредь остерегайся льва, посланного Господом. Помни, на пути всякого ложного пророка встанет лев Господень. Я взошел на дрожжах, которые превыше веры его, – сказал он. – И огонь не поглотит меня! А когда я умру, лучше бы остаться тебе в этих лесах одному, и достанет тебе света, который пошлет тебе Солнце, чем идти к нему в город.

Мальчик продолжал копать, но от этого могила глубже не становилась.

– Жалко покойников, – сказал он чужим голосом. – Бедные они, ничего у них нет. Кроме того, что на них надето.

Но мне теперь уже никто не сможет помешать, подумал он. Никогда. Ничья рука не подымет, чтобы остановить меня. Разве что Божья, но только Он все молчит. Он даже и внимания-то на меня не обратил.

Рядом лежал песочный пес и бил хвостом по земле, в куче свежевырытой глины ковырялись несколько черных кур. Дымчато-желтое солнце выскользнуло из-за синей линии деревьев и медленно тронулось в привычный путь.

– Теперь я могу делать все, что хочу, – сказал он, пытаясь как-то смягчить чужой голос так, чтобы тот не резал слух. Захочу – и перебью всех этих кур, подумал он, глядя на никчемных черных птиц, с которыми старику так нравилось возиться.

Да, дури в нем хватало, сказал чужой голос. По правде говоря, вел себя дите дитем. Этот школьный учитель в общем-то ничего плохого ему не сделал. Сам посуди, в чем он виноват? Ну, смотрел он за стариком, ну, записывал все, что видел и слышал, а потом напечатал все это в газете, чтоб другие учителя прочитали. Ну и что в этом такого? Да ничего. Кому какое дело, что учителя читают? А старый дурак вскинулся, как будто его убили, да еще и в душу наплевали. Но только одно дело, что он там себе напридумывал, а другое – что жизни в нем хватило еще на четырнадцать лет. И на то, чтоб воспитать мальчика, чтоб было кому его похоронить так, как ему по вкусу.

Пока Таруотер тыкал в землю лопатой, у чужого в голосе зазвенела нотка скрытой ярости, и он все повторял: ты себе тут все руки пообломаешь, а этот школьный учитель сжег бы его – и все дела. Он копал уже дольше часа, но в землю ушел всего на фут: положишь в такую могилу труп, а он из нее торчать будет. Он присел на край немного передохнуть. Солнце в небе напоминало набухший белый волдырь, который вот-вот лопнет.

Вот уж возни с этими покойниками, сказал чужой, с живыми куда как проще. Оно, конечно, в Судный день станут собирать только тех покойников, над кем поставлен крест, вот только, боюсь, школьному учителю на это наплевать. Мир-то большой, и дела в нем делаются совсем не так, как тебя учили.

– Был я там как-то раз, – пробормотал Таруотер. – И нечего мне рассказывать.

Два или три года назад его дед съездил в город, чтобы справиться у юристов, нельзя ли написать завещание так, чтобы земля не попала в руки школьного учителя, а досталась прямоком Таруотеру. Пока дед обговаривал свои дела, Таруотер сидел на подоконнике в кабинете юриста на двенадцатом этаже и смотрел наружу, где на самом доньшке бездны была улица. По пути со станции он шел, как аршин проглотив, среди движущейся массы металла и бетона,

испещренной малюсенькими человеческими глазками. Блеск его собственных глаз скрывался под жесткими, как кровельное железо, полями его новой серой шляпы, которая покоилась у него на ушах строго и прямо, как на кронштейнах. Перед тем как ехать, он проштудировал в иллюстрированном альманахе раздел «Факты» и теперь отдавал себе отчет в том, что здесь семьдесят пять тысяч человек видят его в первый раз. Перед каждым встречным ему хотелось остановиться, пожать руку и объяснить, что зовут его Ф. М. Таруотер и что он здесь только на денек, приехал с дедом уладить кое-какие дела у юристов. Голова у него дергалась вслед за каждым проходящим мимо человеком, пока их не стало слишком много и он не заметил, что эти, в отличие от деревенских, глазами по тебе не шарят. Несколько человек даже столкнулись с ним; в деревне за таким последовало бы пожизненное знакомство, но здешние увальни неслись себе дальше, едва кивнув головой и бормоча на ходу извинения, которые он принял бы, подожди они хоть немного.

А потом до него дошло, как осенило, что это место – обитель зла: эти опущенные головы, это бормотание, эта спешка. . . В яркой вспышке света он увидел, что эти люди торопятся прочь от Господа Всемогущего. Именно в город приходили пророки, вот и он попал – в город. Он в городе, и город нравится ему, хотя должен был бы вызывать страх. Он с подозрением прищурился и посмотрел на деда, который шел впереди уверенно, как медведь в лесу, и все эти странности ничуть его не беспокоили.

– Тоже мне пророк! – прошипел мальчик.

Дед не обратил на него внимания, даже не остановился.

– А еще пророком себя называет! – продолжал мальчик громким, резким, скрипучим голосом.

Дед остановился и обернулся.

– Я здесь по делу, – спокойно сказал он.

– Ты всегда говорил, что ты пророк, – сказал Таруотер. – Теперь я вижу, что ты за пророк. Илия тебе в подметки не годится.

Дед вскинул голову и выпучил глаза.

– Я здесь по делу, – сказал он. – Если Господь призвал тебя, иди и делай свое дело.

Мальчик слегка побледнел и отвел глаза.

– Меня никто не призывал – пока, – пробормотал он. – Это ты у нас призван.

– И я знаю, когда зов звучит во мне, а когда нет, – сказал дед, отвернулся и больше не обращал на мальчика внимания.

На подоконнике в кабинете адвоката он встал на колени, высунул голову из окна и стал следить, как течет внизу улица, пестрая железная река, как тусклое солнце, медленно плывущее по блеклому небу, отблескивает на металле, слишком далекое, чтобы возжечь пламя.

Настанет время, и он будет призван, настанет день, и он сюда вернется и перевернет этот город, и пламя будет гореть в его глазах. Здесь тебя не заметят, пока ты не сделаешь чего-нибудь такого, подумал он. На тебя не обратят внимания только потому, что ты пришел. И он снова с раздражением подумал про деда. Когда придет мой черед, я сделаю так, что всякий станет смотреть на меня, сказал он себе и, подавшись вперед, увидел, как медленно скользнула вниз его новая шляпа, ставшая вдруг чужой и ненужной, как небрежно поиграли с ней городские сквознячки и как железная река смяла и поглотила ее. Он почувствовал себя голым, схватился за голову и рухнул назад в комнату.

Дед спорил с адвокатом, между ними был стол, и оба стучали по нему кулаками – порывались встать с места и стучали кулаками. Адвокат, высокий человек с головой как купол и орлиным носом, повторял, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик:

– Но не я составлял это завещание! Не я придумывал этот закон!

А ржавый голос деда скрежетал в ответ:

– А мое какое дело? Знай мой папаша, что его собственность отойдет дураку, – да он бы в гробу перевернулся! Не для того он всю жизнь вкалывал!

– Шляпа улетела, – сказал Таруотер.

Адвокат откинулся в кресле, со скрипом повернулся к Таруотеру – бледно-голубые глаза и ни капли интереса, – со скрипом подался вперед и сказал деду:

– Ничего не могу поделывать. Вы напрасно тратите свое и мое время. Примите все как есть и оставьте меня в покое.

– Послушайте, – сказал старый Таруотер, – было время, когда мне показалось, что дни мои сочтены, что я болен и стар, одной ногой в могиле, без гроша за душой, и я воспользовался его гостеприимством, потому что он – мой ближайший родственник, и в общем-то это был его долг – принять меня, вот только я думал, он сделал это из Милости, я думал...

– Какое мне дело, что вы там думали и делали, что думал и делал ваш родственник, – сказал адвокат и закрыл глаза.

– У меня шляпа упала, – сказал Таруотер.

– Я всего лишь адвокат, – сказал адвокат, скользнув глазами по красновато-коричневым корешкам юридических книг: полки высились вокруг, как стены крепости.

– Ее теперь уже, наверно, машина переехала.

– Вот что, – сказал дед, – он все время изучал меня, чтобы написать эту статью. Ставит он, значит, на мне, своем собственном родственнике, какие-то тайные опыты, лезет ко мне в душу, а потом и говорит: «Дядя, вы же настоящее ископаемое!» Настоящее ископаемое! – У деда перехватило горло, и последнюю фразу он произнес едва слышно: – Ну вот и полюбуйте, какое я ископаемое!

Адвокат снова закрыл глаза и криво усмехнулся.

– К другим адвокатам! – взревел старик, и они ушли и перебрали еще троих, одного за другим, и Таруотер насчитал одиннадцать человек, на которых была его шляпа; хотя, может статься, это была и не она. Наконец они вышли из конторы четвертого адвоката и уселись на оконном карнизе банковского здания. Дед порывлся в карманах, достал галеты и протянул одну Таруотеру. Старик расстегнул пальто, вывалил живот, и тот лежал у него на коленях, пока старик ел. Зато лицо у него работало вовсю; кожа яростно дергалась между оспин. Таруотер был очень бледен, и глаза его блестели какой-то пустой глубиной. На голове у него был старый шейный платок, завязанный по углам узелками. Теперь он не смотрел даже на тех прохожих, которые смотрели на него.

– Ну, слава Богу, все теперь, домой пойдем, – пробормотал мальчик.

– Нет, не все. – Старик резко встал и зашагал по улице.

– О Господи, – простонал мальчик и рванул за ним следом. – Даже минуты не посидели. Ты что, не понимаешь? Они все говорят тебе одно и то же. Закон один, и ничего ты с этим не поделаешь. У меня и то хватило ума, чтобы это понять. У тебя – нет? Что с тобой такое?

Старик, вытянув шею вперед, решительно шагал по улице с таким видом, будто вынюхивал врага.

– Куда идем-то? – спросил Таруотер, когда деловой район остался позади и они пошли мимо серых приземистых домов с грязными крылечками, которые вдавались в тротуар. – Слушай, – сказал он, хлопнув деда по ноге, – зачем я вообще сюда приперся?

– Не приперся бы сейчас – приперся бы чуть позже, – пробормотал старик. – Раньше сядешь – раньше выйдешь.

– А я садиться и не собирался. Я вообще никуда не собирался. Знал бы, как оно тут, – вообще бы никуда не поехал.

– А я тебе что говорил? – сказал дед. – Ты вспомни, я ведь говорил тебе, что, когда ты сюда приедешь, ничего хорошего от этих мест не жди.

И они пошли дальше, отмахивая квартал за кварталом, оставляя позади все больше и больше серых домов с полуоткрытыми дверьми и полосками чахоточного света на грязных полах коридоров.

Наконец они дошли до следующего района. Здесь дома были очень похожи друг на друга, невысокие и чистенькие, перед каждым квадратный участок с травой. Через несколько кварталов Таруотер уселся на тротуар и сказал:

– Я дальше не пойду. Я вообще не понял, куда мы идем, и больше не сделаю ни шагу.

Дед не остановился и даже не повернул головы. Через секунду мальчик вскочил и снова пошел за дедом, испугавшись, что останется один.

Старик по-прежнему пер вперед, как будто внутреннее чутье подсказывало ему дорогу к тому месту, где прячется враг.

Внезапно он свернул на короткую дорожку, ведущую к дому из светло-желтого кирпича, и уверенно двинулся к белой двери, подобрав плечи так, что, казалось, он собирается вышибить ее с ходу. Он ударил в дверь кулаком, не обращая внимания на блестящий медный дверной молоток. И тут до Таруотера дошло, что здесь-то и живет школьный учитель; он остановился и замер, не отрывая взгляда от двери. Какой-то скрытый инстинкт подсказывал ему, что, когда дверь откроется, его участь будет решена. Он уже почти воочию видел, как в двери появляется учитель, жилистый и злой, готовый сцепиться со всяким, кого Господь пошлет наказать его.

Мальчик стиснул зубы, чтобы они не стучали. Дверь отворилась.

В проходе, отвесив челюсть в глупой ухмылке, стоял маленький розоволицый мальчик. У него были светлые волосенки и выпуклый лоб. За очками в стальной оправе светились блеклые глаза, точь-в-точь как у деда, только пустые и ясные. Он грыз заветренную серединку яблока.

Старик уставился на мальчика, нижняя челюсть у него пошла вниз, пока не отвисла совсем. Выглядел он так, будто стал свидетелем невыразимой тайны. Мальчик издал какой-то непонятный звук и притворил дверь так, что в оставшуюся щелку блестело одно только стеклышко от очков.

Страшное негодование охватило вдруг Таруотера. Он смотрел на это маленькое лицо, выглядывающее из-за двери, и лихорадочно пытался найти подходящее слово, чтобы швырнуть туда, внутрь. Наконец он сказал, медленно и внятно:

– Я был здесь, когда тебя еще и в помине не было.

Старик дернул его за плечо.

– У него с головой не в порядке, – сказал он. – Ты что, не видишь, что у него не все дома? Что толку с ним говорить?

Мальчик развернулся на каблуках с твердым намерением уйти. Еще никогда в жизни он не был так зол.

– Подожди, – сказал старик и снова положил руку ему на плечо. – Иди вон за ту изгородь и спрячься, а я пойду в дом и окрещу его.

Таруотер разинул рот.

– Иди, куда тебе сказано, – сказал старик и подтолкнул его к изгороди.

Старик весь как-то подобрался. Он повернулся и пошел к двери. Когда он подошел к крыльцу, дверь распахнулась, и на пороге показался тощий молодой человек в очках в тяжелой черной оправе и, вытянув шею вперед, уставился на старика.

Старый Таруотер поднял кулак.

– Господь наш Иисус Христос послал меня окрестить младенца! – закричал он. – Отыди! Я не отступлюсь!

Из-за кустов вынырнула Таруотерова голова. Затаив дыхание, он вцепился взглядом в учителя: худое лицо углом назад от торчащей вперед челюсти, редкие волосы разбежались по обе стороны лба, застекленные глаза. Белобрысый шкет ухватился за отцовскую ногу и повис

на ней. Учитель толкнул его назад в дом. Затем он вышел и, не сводя глаз со старика, захлопнул за собой дверь, словно провоцировал его – попробуй только, сделай еще шаг.

– Душа некрещеного младенца вопиет ко мне, – сказал старик. – Даже убогий желанен Господу.

– Пошел вон с моей земли, – сказал племянник звенящим голосом, словно сдерживался из последних сил. – А не уйдешь – упеку тебя в психушку, где тебе самое место.

– Не посмеешь тронуть слугу Божьего! – взревел старик.

– Убирайся отсюда! – закричал племянник, потеряв контроль над голосом. – И сперва спроси у Господа, почему Он создал его идиотом! Спроси, а потом скажи мне!

Сердце у мальчика билось так быстро, что он испугался: вот сейчас оно выскочит из груди и укачет прочь. Из-за кустов он высунулся уже по плечи.

– Не тебе задавать вопросы! – закричал старик. – Не тебе вопрошать Господа Бога Всемогущего о путях Его! Не тебе молотить Господа в голову и выплевывать числа!

– А где же мальчик? – вдруг, оглянувшись, спросил племянник, как будто он только что об этом вспомнил. – Где мальчик, из которого ты хотел воспитать пророка, чтобы истиной испепелить мои глаза? – И засмеялся.

Таруотер снова нырнул в кусты. Смех учителя сразу ему не понравился: казалось, он унасекомил его до крайней степени.

– Придет день его, – сказал старик. – Мы окрестим младенца. Если не я во дни мои, значит, он – в его.

– Вы его и пальцем не тронете, – сказал учитель. – Можешь до конца его дней лить на него воду – он все равно останется идиотом. Что пять лет, что вечность – все без толку. Слушай. – Он заговорил тише, и мальчик услышал в его голосе скрытую силу, не уступавшую стариковой; страсть равную, но разнонаправленную: – Он никогда не будет крещен просто из принципа. Во имя величия и достоинства человеческого он никогда не будет крещен.

– Время покажет и выберет руку, которая окрестит его.

– Время покажет, – сказал племянник, открыл дверь, сделал шаг в дом и с грохотом захлопнул дверь за собой.

Мальчик вылез из кустов, голова у него шла кругом от возбуждения. Больше он никогда там не был, больше никогда не видел двоюродного брата, не видел учителя, и даже чужаку, который копал вместе с ним могилу, сказал, что уповаешь на Господа, чтобы никогда его и не увидеть, хотя лично против него ничего не имеет и не хотел бы убивать его; но если он сюда придет и будет лезть не в свое дело, пусть даже по закону, тогда, конечно, придется.

Эй, сказал чужак, а с чего это он вдруг сюда заявится? Смысл какой?

Таруотер не ответил. Он не пытался понять, как выглядит чужак, но теперь он и без этого знал, что лицо у него дружелюбное и мудрое, с резкими чертами, и на него падает тень от широкополой шляпы-панамы, так что цвет глаз разобрать невозможно. Неприязнь к голосу уже прошла. Только время от времени голос все еще казался ему чужим. У него появилось ощущение, что он только что повстречал самого себя, как будто, пока дед был жив, мальчику нельзя было видаться с близким знакомым.

Старик – он в общем-то был ничего себе старик, сказал его новый друг. Но ты же сам сказал: жалко покойников, ничего у них нет. Вот и приходится им обходиться тем, что есть. Его душа уже покинула сей бранный мир, а тело: коли его, жги его или еще что хочешь, оно все равно не почувствует.

– Ну, он-то думал о дне последнем, – пробормотал Таруотер.

В таком случае, сказал чужак, разве тебе не кажется, что крест, который ты поставишь в пятьдесят втором году, просто-напросто сгниет к тому времени, когда грянет Страшный суд? Сгниет и обратится во прах, – так же как и пепел, если ты предашь его тело огню. А вот тебе еще вопросец: как Бог поступает с утопшими моряками, которых слопали рыбы, а тех рыб – другие

рыбы, а этих – трети? А те люди, которые заживо сгорели у себя в постелях? Или еще как-нибудь сгорели, или станками их перемололо в свинячью жижу? А солдаты, которых разорвало к едрене фене? Как быть с теми, от кого ничего не осталось, чтобы похоронить или сжечь?

Но если я его сожгу, сказал Таруотер, это будет неправильно, это будет как будто я нарочно так сделал.

Ага, понятно, сказал чужак. Ты, значит, не о том беспокоишься, как он предстанет перед Страшным судом. Ты беспокоишься о том, что спросят с тебя.

Это уж мои дела, сказал Таруотер.

А я ни фига в твои дела и не лезу, сказал чужак. Мне это вообще по фигу. Ты теперь один, и ни души вокруг. Совсем один, и все, что у тебя осталось, – пустой дом и света ровно столько, сколько попадет в его окошко. До тебя, по-моему, теперь вообще никому нет дела.

И тем искупил грехи свои, пробормотал Таруотер.

Ты куришь? – спросил чужак.

Хочу – курю, хочу – нет, сказал Таруотер. Надо будет – похороню, а нет – значит, нет.

Ступай погляди, он там, часом, со стула не свалился, сказал новый друг.

Таруотер бросил лопату в могилу и пошел в дом. Он приоткрыл дверь и заглянул в щелку. Дед смотрел чуть в сторону, сосредоточенно и напряженно, как судья, задумавшийся над какими-нибудь страшными уликами. Мальчик быстро захлопнул дверь и пошел назад к могиле; ему вдруг стало холодно, хотя он и был весь в поту, так что даже рубашка прилипла к спине. Он снова взялся за лопату.

Глуповат он был с учителем канаться, вот в чем загвоздка, снова заговорил чужак. Он ведь тебе рассказывал, как украл учителя, когда тому было семь лет от роду. Пошел в город, выманил его со двора, привел сюда и окрестил. И что из этого вышло? А ничего. Учителю плевать, крещеный он или нет. Это его вообще не колышет. Плевать он хотел, искуплены его грехи или не искуплены, к чертям собачьим. Он тут пробыл четыре дня; ты – четырнадцать лет, а теперь тебе придется торчать тут до самой смерти. Сам же понимаешь, что он был просто чокнутый, продолжал он. Из учителя, вон, тоже хотел пророка сделать, только у того с головой все было в порядке. Взял и слинял.

Так за ним-то было кому приехать. Папаша приехал и отвез домой. А за мной и приехать некому.

Сам же учитель, сказал чужак, за тобой и приезжал и за свои труды получил пулю в ногу и чуть без уха не остался.

Мне еще и года тогда не было, сказал Таруотер. Младенец не может сам встать и уйти. Но теперь-то ты не младенец, сказал его друг. Он все копал и копал, но могила, казалось, и не думала становиться глубже. Нет, вы только полюбуйтесь на этого великого пророка, ухмыльнулся чужак откуда-то из кружевной древесной тени. Ну-ка, напророчь мне что-нибудь. Вот только, знаешь, Господу и без тебя есть чем заняться. Он тебя в упор не замечает. Таруотер резко развернулся и стал копать с другой стороны, а голос продолжал звучать у него за спиной. Всякому пророку нужен какой-никакой слушатель. Если только ты не собираешься пророчить самому себе, поправился он; или иди, вон, окрести этого недоумка сопливого, добавил он голосом совершенно издевательским.

Все дело в том, сказал он через минуту, все дело в том, что ты такой же умный, как учитель, если не еще умнее. Потому как у него все же кто-то был – папаша, там, или мать, – кто мог сказать ему, что у старика не все дома; а у тебя никого нет – и все равно ты сам до этого додумался. Конечно, у тебя ушло на это больше времени, но вывод ты сделал верный: ты понял, что он псих и что остался психом, даже когда его выпустили из психушки. Ну а если и не совсем псих, все равно от этого не легче: все одно на уме. Иисус. Как навязчивая идея. Иисус то, Иисус сё. Ты же четырнадцать лет слушал весь этот бред. Господи ты Боже мой, вздохнул чужак, у меня твой Иисус уже вот где сидит. А у тебя что, нет?

Он помолчал немного и продолжил. У меня такое впечатление, сказал он, что ты можешь сделать одно из двух. Не то и другое разом, а только одно. Так, чтобы и то и другое – это ни у кого не получится, это надорвешься. Ты либо делаешь одно, либо делаешь другое.

Либо Иисус, либо дьявол, сказал мальчик.

Нет, нет и нет, сказал чужак. На свете вообще нет никакого дьявола. Это я тебе точно говорю. По собственному опыту. Как пить дать. Не либо Иисус, либо дьявол. Либо Иисус, либо ты.

Либо Иисус, либо я, повторил Таруотер. Он положил лопату, чтобы передохнуть и подумать: старик говорил, что учитель сам за ним пошел. Только и нужно было, говорил он, что прийти на задний двор, где играл учитель, и сказать: Давай-ка уйдем с тобой ненадолго из города, и ты родишься заново. Господь наш Иисус Христос послал меня, чтобы я помог тебе. И учитель, не сказав ни слова, встал, взял его руку и пошел с ним, и все те четыре дня, что он здесь был, говорил старик, он надеялся, что за ним не придут.

Ну а с семилетнего какой спрос, сказал чужак. Чего еще ждать от ребенка? А вернулся в город – ума-то и поднабрался; папаша научил его, что старик сбрендил и что нельзя верить ни единому его слову.

Он совсем не так рассказывал, сказал Таруотер. Он говорил, что в семь лет учитель был парнишка сообразительный, а вот потом мозги-то у него и усохли. Папаша у него был туп, как дуб, и не ему детей воспитывать. А мать была шлюха. Удрала отсюда в восемнадцать лет.

В восемнадцать? – переспросил чужак недоверчивым тоном. Долго же она думала. М-да, тоже, видать, была та еще дубина.

Дед говорил, его с души воротит признаваться, что его родная сестра была шлюха, а приходится, ради правды, сказал мальчик.

Брось, сказал чужак, ты же сам знаешь, он с огромным удовольствием признавался в том, что она была шлюха. Он всегда был готов признать другого человека дураком или шлюхой. Единственное, на что годен пророк, – так это признать, что кто-то другой – дурак или шлюха. И вообще, ехидно спросил он, что ты знаешь о шлюхах? Ты где с ними сталкивался? Хотя бы с одной?

А что тут знать-то? – ответил мальчик. В Библии их полным-полно. Он знал, что они собой представляют и к чему это их приводит. Как псы растерзали тело Иезавель, так что нашли потом руку здесь, а ногу там, так, по словам деда, или почти так было и с матерью, и с бабкой Таруотера. Они обе вместе с его родным дедом погибли в автомобильной катастрофе, и из всей семьи в живых остались только учитель и сам Таруотер, ибо мать его, бесстыдная и безмужняя, прожила после аварии ровно столько, чтобы мальчик успел родиться. И родился он на поле скорбей.

Мальчик очень гордился тем, что был рожден на поле скорбей. Ему всегда казалось, что это событие ставит его выше обыкновенных людей, и оно же наталкивало на мысль о том, что у Бога для него уготован особый удел, хотя до сей поры никаких таких особенностей не наблюдалось. Бывало, гуляя по лесу, он наткался на какой-нибудь куст, растущий немного в стороне от остальных; и тогда ему становилось трудно дышать, он останавливался и ждал, не вспыхнет ли этот куст ясным пламенем. Но ни один пока не вспыхнул.

Дед, казалось, никогда не понимал, как велико значение обстоятельств его рождения, зато придавал большую важность тому, как он обрел второе рождение. Он часто спрашивал мальчика, как ему кажется, почему Господь извлек его из чрева шлюхи и позволил вообще появиться на свет; и почему, сотворив одно чудо, он вернулся и сотворил другое, позволив мальчику получить крещение от руки двоюродного деда; и, сотворив второе чудо, сотворил затем и третье, ниспослав мальчику спасение от школьного учителя и отдав его под руку двоюродного деда, который увез его во чащу лесную, где мальчик получил возможность быть воспитанным в правде Божией. А все потому, говорил дед, что Господь уготовил ему, выблядку,

стать пророком и занять место двоюродного деда, когда тот умрет. Старик говаривал, что они – точь-в-точь как Илия и Елисей.

Ладно, сказал чужак, предположим, ты и правда знаешь, кто такие шлюхи. Но есть еще куча вещей, о которых ты знать не знаешь. Давай следуй за ним, как Елисей за Илией. Вот только дай задам тебе один вопросец: где же глас Божий? Что-то я его не слышал. Призвал тебя хоть кто-то нынче утром? Или вчера, или вообще хоть раз в жизни? И тебе сказали, что делать? Сегодня даже грома, простого грома и то не было. На небе ни облачка. Как я погляжу, заключил он, главная твоя беда вот в чем: мозгов у тебя хватает только на то, чтобы верить каждому его слову.

Солнце как вкопанное торчало прямо над головой и, затаив дыхание, выжидало полдень. Могила была в глубину фута два. А надо б футов десять, смотри не забудь, сказал чужак и засмеялся. Старики – народ жадный. А чего еще от них ожидать? Да и от всех остальных тоже, добавил он и вздохнул коротко и сухо, как будто ветер подхватил и бросил пригоршню песка.

Таруотер поднял голову и увидел двух человек, идущих через поле, цветных мужчину и женщину. У каждого на пальце болтался пустой кувшинчик из-под уксуса. На голове у высокой, похожей на индианку женщины была зеленая летняя шляпа. Она на ходу наклонилась, проскользнула под проволокой ограды и прошла через двор к могиле; мужчина придержал проволоку рукой, перешагнул через нее и двинулся за женщиной следом. Они не сводили глаз с ямы, а остановившись на краю, уставились вниз со странной смесью испуга и удовлетворения на лицах.

У мужчины, у Бьюфорда, лицо было все в морщинах и цветом темнее, чем шляпа у него на голове.

– Старик отошел, – сказал он.

Женщина подняла голову и издала полагающийся по случаю протяжный вопль, пронзительный, но не слишком громкий. Она поставила свой кувшин на землю, скрестила руки на груди, затем воздела их к небесам и снова взвыла.

– Скажи ей, пусть заткнется, – сказал Таруотер. – Я теперь здесь хозяин, и мне тут всякие черномазые завывания без надобности.

– Я видала его дух две ночи кряду, – сказала она. – Две ночи кряду, и дух его был неупокойный.

– Да он помер только сегодня утром, – сказал Таруотер. – Если вам нужно кувшины ваши наполнить, давайте их сюда, а сами копайте, пока я не вернусь.

– Много лет он знал, что умрет. Заранее знал, – сказал Бьюфорд. – Она его во сне видала несколько ночей кряду, и дух его был неупокойный. А ведь я его знал. Хорошо знал. Куда лучше.

– Горюшко ты мое, – обратилась женщина к Таруотеру, – как же ты теперь, совсем один остался, и никого-то у тебя нет.

– Не твое дело, – сказал мальчик, выхватив кувшин у нее из рук, и чуть не бегом побежал к деревьям на краю вырубki, так что запнулся и едва не упал. Выровнявшись, он пошел спокойнее и тверже.

Птицы, прячась от полуденного солнца, улетели подальше в лес, и где-то впереди одинокий дрозд повторял одни и те же четыре ноты, а потом каждый раз замолкал, и тогда наступала тишина. Таруотер пошел быстрее, потом почти побежал, и через мгновение он уже мчался так, словно за ним гнались. Он скользил по гладким от сосновых иголок склонам, а потом, задыхаясь, цепляясь за сосновые корни, взбирался на противоположный склон. Он проломился сквозь заросли жимолости, сиганул через песчаное русло полупересохшего ручья и всем телом ударился о высокий глинистый обрыв. В обрыве была ниша, заваленная большим камнем: здесь старик держал запас выпивки. Таруотер принялся отваливать камень, а чужак стоял у него за спиной и, тяжело дыша, повторял: Не все дома! Не все дома! Как пить дать, не все дома!

Таруотер отвалил камень, достал из ниши черную бутылку и сел, привалившись спиной к склону. «Псих!» – прошипел чужак, падая рядом.

Вылезло солнце, яростно-белое, и поползло сквозь верхушки деревьев над тайником. Семидесятилетний пень уносит пацаненка в лес, чтобы правильно его там воспитать! Вот ты прикинь, а если бы он умер, когда тебе было четыре года, а не четырнадцать. Кто бы стал с аппаратом управляться – ты, что ли? Как-то не слышал я, чтобы четырехлетний пацаненок самогон гнал.

Не слышал о таком отродясь, продолжал он. Ты и нужен-то ему был только для того, чтоб было кому его похоронить, когда пробьет его час. А вот теперь он умер, и нет его, а есть только двести пятьдесят фунтов человечины, которые нужно убрать с лица земли. А еще представь себе, как он взбеленился бы, если б увидел, что ты хватанешь глоточек, добавил он. Хотя он и сам выпить был не дурак. И когда Господь доставал его по самое не хочу, то он, пророк не пророк, а надирался. Ха. Он бы, конечно, сказал, что это тебя до добра не доведет, а на самом-то деле просто переживал, как бы ты до того не набрался, что даже и похоронить его будешь не в состоянии. Он говорил, что принес тебя сюда, чтобы воспитать ради святого дела, а дело-то это и заключалось только в том, чтобы ты смог в должную пору похоронить его и крест поставить, чтобы видно было, где он лежит.

Самогон гнал – а туда же, в пророки! Что-то не припомню я, чтобы какой-нибудь пророк зарабатывал на жизнь самогонованием.

Через минуту, когда мальчик сделал большой глоток из черной бутылки, чужак сказал тоном чуть более мягким: Ну вот, глоток-другой никому еще вреда не делал. Если, конечно, знать меру.

Горло у Таруотера вспыхнуло так, словно дьявол по локоть засунул руку ему в глотку и теперь пытался закогтить душу. Мальчик прищурился и посмотрел на злобное солнце, прибирающееся сквозь верхние ветки деревьев.

Да брось ты переживать, сказал друг. Помнишь тех черномазых, что распевали свои псалмы? Тех, что пели и плясали вокруг черного «форда», все, как один, в хлам? Бог ты мой, они и вполтину бы не радовались так Искуплению собственных грехов, если б не набрались по верхнюю рисочку. Я бы на твоём месте не стал так носиться с этим Искуплением. И горазды же люди создавать себе проблемы!

Таруотер неторопливо приложился к бутылке. Только раз в жизни он напился пьяным, за что дед отлупил его деревянной планкой, приговаривая: всё теперь, разьест самогон тебе кишки; и опять наврал, потому что никакие кишки Таруотеру не разъело.

Мог бы уже и сам догадаться, сказал Таруотеру его новый друг, что этот старый пень тебя надул. Прожил бы ты эти четырнадцать лет в городе как у Христа за пазухой. Ан нет – сидел в этом коровнике двухэтажном у черта на рогах, людей никаких, кроме него, не видел, да еще и землю с семи лет пахал, как мул. Опять же откуда ты знаешь: а может, все, чему он тебя научил, – вранье? Может, такими цифрами вообще больше никто не считает? Кто тебе сказал, что два плюс два – действительно четыре, а четыре плюс четыре – восемь? Может, у других людей другие цифры? Может, никакого Адама и в помине не было? И кто сказал, что Иисус сильно тебе помог, искупив грехи людские? А может, никакого Искупления и вовсе не было? Ты знаешь только то, чему старик тебя научил, но пора бы уже и догадаться, что у него были не все дома. А если уж речь пошла о Страшном суде, сказал чужак, так у нас каждый день Страшный суд.

Разве ты уже не достаточно взрослый, чтобы самому во всем разобраться? Разве все, что ты делаешь, и все, что когда-либо делал, не представляло пред глазами твоими истинным или ложным прежде, чем сядет солнце? А ты никогда не пробовал послать все к такой-то матери? Не-а, не пробовал. Даже и мысли такой у тебя не было. Смотри, сколько ты уже выпил, так, может, тебе вообще всю бутылку допить? Ладно, меры ты не знаешь – ну так и черт с ней; а это

вот коловращение, которое идет у тебя вокруг головы от маковки, есть благословение Господне, которым он тебя осенил. Он даровал тебе отпущение. Этот старик был – камень на твоём пути, и Господь откатил его в сторону. Ну, конечно, этот труд еще не окончен, тебе придется совсем убрать его с дороги, самому. Хотя главное Он уже, хвала Ему, сделал.

Ног Таруотер уже не чувствовал. Он задремал, голова у него упала набок, рот открылся, и из накренившейся бутылки по штанам потек самогон. Постепенно струйка пресеклась, жидкость уравнилась в горлышке и сочилась теперь капля за каплей, тихо, размеренно, с медовым солнечным блеском. Яркое чистое небо поблекло, заросло облаками, тени расплзлись и растворились. Он проснулся, резко дернувшись вперед; перед лицом у него маячило что-то похожее на обгоревшую тряпку, глаза не слушались, и он никак не мог заставить их смотреть прямо перед собой.

– Негоже так делать, – сказал Бьюфорд. – Старик такого не заслужил. Вперед надо мертвого похоронить, а уж потом отдыхать. – Он сидел на корточках и держал Таруотера за руку чуть выше локтя. – Подхожу я, значит, к дверям, а он так и сидит за столом, даже на холод его никто не положил. Если уж ты думаешь его на ночь в дому оставить, тогда бы и положил его, и соли на душу насыпал.

Мальчик сощурил глаза, чтобы Бьюфорд не расплывался, и через секунду смог различить два маленьких красных воспаленных глаза.

– Ему бы сейчас лежать в могиле, он это заслужил. Пожил он хорошо, и в страстях Иисусовых лучше его никто не разобрался.

– Черномазый, – сказал мальчик, еле ворочая чужим отяжелевшим языком, – руки убери.

Бьюфорд отнял руку:

– Надо б его упокоить.

– Да упокоится он, упокоится, доберусь я до него, – пробормотал Таруотер. – Вали отсюда и не лезь в мои дела.

– Никто к тебе и не лезет, – сказал Бьюфорд, поднимаясь. Он постоял минуту, глядя на безвольно притулившееся к обрыву тело мальчика. Голова запрокинулась через торчащий из глинистого склона корень. Челюсть отвисла, и поля съехавшей на лоб шляпы прочертили прямую линию поперек лба, чуть выше полуоткрытых невидящих глаз. Тонкие узкие скулы выпирали, как переключатель креста, а щеки под ними запали, как у мумии, словно под кожей скелет мальчика был древним, как мир.

– Вот ты нужен, лезть к тебе, – бормотал негр, продираясь сквозь жимолость. Он ни разу не оглянулся. – Сам теперь и разбирайся.

Таруотер снова закрыл глаза.

Проснулся он оттого, что рядом надрывно орала какая-то ночная птица. Вопила она не все время, а с перерывами, словно между приступами горя ей требовалось вспомнить, по какому, собственно, поводу она так разоряется. Облака судорожно металась по черному небу, а заполошная розовая луна то и дело подскакивала на фут или около того, потом падала и снова подскакивала. Это все потому, понял он через секунду, что небо падает на землю и сейчас совсем его задавит. Через какое-то время птица заверещала и улетела. Таруотера бросило вперед, и он приземлился на все четыре посреди русла. Луна бледным пламенем горела в лужицах воды на песке. Он вломился в заросли жимолости, и знакомый сладкий запах путался у него в голове с чужим ощущением тяжести.

Когда, пробравшись сквозь кусты, он попытался встать, черная земля покачнулась и снова сбила его с ног. Розовая вспышка молнии осветила лес, и он увидел, как со всех сторон выпрыгнули из земли черные тени деревьев. Ночная птица забилась куда-то в самую чашу и снова принялась орать.

Он поднялся и пошел по направлению к дому, на ощупь пробираясь от дерева к дереву, и стволы у него под пальцами были сухие и холодные. Вдалеке гремел гром и плясали мол-

нии, освещая то одну, то другую часть леса. Наконец он увидел свою хибару, высокий силуэт посреди вырубки, черный и мрачный, и прямо над ним дрожала розовая луна. Он пошел по песку, волоча за собой свою смятую тень, и глаза у него блестели, как две ямки, в край залитые лунным светом. В тот конец двора, где была начата могила, он даже не посмотрел. Он остановился у дальнего угла, присел на корточки и оглядел сваленный под домом мусор, клетки для цыплят, бочонки, старые тряпки и ящики. В кармане у него лежал коробок деревянных спичек.

Он залез под дом и принялся разводить костерки, поджигая один от другого, и постепенно выбрался на переднее крыльцо, оставив за собой пламя, жадно вгрызавшееся в сухое дерево и дощатый пол. Он пересек двор и пошел по изрытому полю не оглядываясь, пока не добрался до леса на противоположной стороне вырубки. Там он повернул голову и увидел, как розовая луна проломила крышу хибары, упала и пышет внутри. И тут он побежал, гонимый сквозь лес двумя набухшими посреди пожара бесцветными глазами, которые ошарашенно глядели ему вслед. Он слышал, как сквозь черную ночь возносится в небеса огненная колесница.

Ближе к полуночи он вышел на шоссе и поймал попутку. За рулем сидел человек, который был торговым представителем завода по производству медных труб во всех юго-восточных штатах. Продавец дал молчаливому мальчику самый лучший, как он сказал, совет, какой только можно дать парнишке, решившему отправиться на поиски своего места в жизни. Пока они мчались по черному прямому шоссе, по обе стороны от которого стояла темная стена леса, продавец сказал, что он убедился на собственном опыте: ты не сможешь продать медную трубу человеку, которого не любишь. Он был худ, и его узкое лицо, казалось, усохло до последней степени. На нем была широкополая жесткая серая шляпа, из разряда тех, что носят деловые люди, если хотят быть похожими на ковбоев. Любовь, сказал он, это единственная политика, которая работает в девяноста пяти случаях из ста. Идешь продавать человеку трубу, сказал он, справься сначала о здоровье его жены и о том, как поживают детки. Он сказал: в специальном блокноте у него записаны фамилии всех покупателей и членов их семейств и рядом – что с ними не так. Например, у жены одного клиента был рак. Он записал ее имя в блокнот и рядом с ним слово «рак», а потом каждый раз, заехав в скобяную лавку к этому человеку, справлялся о ее здоровье, пока она не умерла. Тогда он вычеркнул слово «рак» и написал «умерла».

– А если они помирают, так и слава Богу, – сказал он. – А то ведь разве всех упомнишь!

– Мертвым ты ничего не должен, – громко сказал Таруотер, который до сей поры не проронил, считай, ни слова.

– А они – тебе, – сказал продавец. – И это правильно. В этом мире никто никому ничего не должен.

– Эй, – сказал вдруг Таруотер и резко выпрямился, так что едва не ударился лицом о лобовое стекло. – Мы не туда едем. Мы же обратно едем. Вон опять пожар. Мы ведь от него как раз и едем!

В небе прямо перед ними стояло тусклое зарево, ровное и явно не от молнии.

– Это же тот самый пожар, от которого мы едем! – сказал мальчик, едва не сорвавшись на крик.

– Ты что, рехнулся? – сказал торговец. – Мы же в город едем. И это – свет городских огней. Ты, похоже, вообще в первый раз из дома выбрался.

– Ты свернул не на ту дорогу, – сказал мальчик. – Это тот же самый пожар.

Продавец резко повернулся, и мальчик увидел его изрытое морщинами лицо.

– Еще ни разу в жизни я не ездил не по той дороге. И ни от какого пожара я не еду. Я еду из Мобила. И я точно знаю, куда еду. А ты-то чего дергаешься?

Мальчик уставился на зарево.

– Я спал, – пробормотал он. – И только сейчас проснулся.

– А зря ты меня не слушал, – сказал торговец, – я дельные вещи говорил. Тебе бы пригодились.

Глава 2

Если бы мальчик по-настоящему доверял своему новому другу, Миксу, продавцу медных труб, то не отказался бы, когда тот предложил подбросить его прямо до дядино дома. Микс включил в машине свет и велел мальчику лезть на заднее сиденье и порыться там, пока не найдет телефонный справочник, а когда Таруотер вернулся со справочником на переднее сиденье, Микс показал ему, как найти там дядино имя. Таруотер записал адрес и номер телефона на обратной стороне одной из Миксовых визиток. На обратной стороне был телефон Микса, и тот сказал, что если вдруг Таруотеру нужно будет связаться с ним, ну, например, занять немного денег или вообще понадобится какая-либо помощь, так пусть не стесняется звонить по этому номеру. После получаса общения Микс решил, что мальчишка в достаточной мере темный и не от мира сего, чтобы из него вышел работник, который будет пахать и пахать, а ему как раз нужен был тупой энергичный парень для тяжелой работы. Но от Таруотера сложно было добиться чего-то определенного.

– Мне нужно связаться с дядей, он у меня теперь единственный родственник, – сказал он.

Миксу достаточно было одного взгляда на парня, чтобы понять, что тот сбежал из дома, бросил мать и, может быть, в придачу к ней пьяницу-отца, и еще, может быть, в придачу к двум первым четверых или пятерых братишек и сестренек в двухэтажной хибаре на голом пустыре где-нибудь неподалеку от трассы, променяв все это на большой мир и подкрепившись для начала парой глотков кукурузного пойла; по крайней мере несло от него за версту. Он ни минуты не сомневался, что у такого парня нет и не может быть никакого дяди, который проживал бы по такому приличному адресу. Он думал, что мальчик просто ткнул пальцем в первое попавшееся имя, Рейбер, и сказал: «Вот. Учитель. Мой дядя».

– Я тебя доставлю прямо к порогу, – сказал хитрый Микс. – Нам все равно ехать через город. Как раз мимо этого дома.

– Нет, – сказал Таруотер.

Он подался вперед и разглядывал сквозь окошко склон холма, сплошь заваленный трупами старых автомобилей. В предутренних сумерках казалось, что они тонут в земле, как в болоте, и уже ушли почти по пояс. Прямо за машинами, чуть дальше по склону, начинался город, словно продолжение той же самой свалки, еще не успевшее как следует увязнуть в земле. Огонь из города весь вышел, и город казался распиленным на ровные, неделимые части.

Мальчик не собирался идти к учителю, пока не рассветло, а по приходе он намеревался сразу дать понять, что явился не для того, чтобы ему лезли в душу или изучали для ученой статьи. Он начал старательно вспоминать лицо учителя, чтобы уставиться ему прямо в глаза и переглядеть его про себя еще до того, как столкнется с ним лицом к лицу. Он чувствовал, что чем более ясно представит себе учителя, тем меньше преимуществ будет иметь перед ним этот новоиспеченный родственник. Лицо все как-то не складывалось, хотя он прекрасно помнил скошенную челюсть и очки в черной оправе. Но вот представить себе глаза за очками ему никак не удавалось. Сам он забыл, какие они, а в дедовых рассказах, и без того довольно путаных, на сей счет царила полная неразбериха. Иногда старик говорил, что глаза у племянника черные, иногда – что карие. Мальчик пытался подобрать глаза, которые подходили бы ко рту, и нос, который подходил бы к подбородку, но каждый раз, когда ему казалось, что он уже сложил лицо целиком, оно распадалось на части, и ему приходилось начинать все заново. Складывалось впечатление, что учитель, совсем как дьявол, мог принимать любой облик, который удобен ему на данный момент.

Микс рассказывал мальчику о том, как это важно – хорошо работать. Он сказал, что убедился на собственном опыте: если хочешь пробиться в жизни, нужно работать. Это – закон жизни, сказал он, и обойти его невозможно, потому как этот закон начертан на человеческом

сердце, так же как «Возлюби ближнего своего». Эти два закона, сказал он, всегда работают в команде и заставляют вращаться мир, и любому, желающему добиться успеха или выиграть погоню за счастьем, только их и нужно знать.

У мальчика как раз начал вырисовываться правдоподобный образ учительских глаз, и совет он прослушал. Глаза были темно-серые, затененные многознанием, и это многознание было – как отражения деревьев в пруду, где глубоко, почти у самого дна, может скользнуть и исчезнуть змея. Когда-то мальчик забавлялся тем, что ловил деда на расхождениях в описании учительской внешности.

– Да не помню я, каким цветом у него глаза, – раздраженно говорил дед. – Цвет никакого значения не имеет, когда знаешь суть. А уж я-то знаю, что за ними скрывается.

– И что за ними скрывается?

– А ничего. Сплошная пустота.

– Да он знает кучу всего, – сказал мальчик. – Он, наверное, вообще все на свете знает.

– Он не знает, что есть на свете такие вещи, которых ему знать не дано, – сказал старик. – Вот в чем его беда. Он думает, если он чего-то не знает, то кто-нибудь поумнее может ему об этом рассказать, и тогда он тоже будет об этом знать. И доведись тебе туда пойти, первое, что он сделает, – это заберется к тебе в башку и скажет, о чем ты думаешь, и почему ты сейчас думаешь именно об этом, и о чем тебе вместо этого следует думать. И вскорости ты уже будешь принадлежать не себе, ты будешь принадлежать ему.

Ничего подобного мальчик допускать был не намерен. Он знал об учителе достаточно, чтобы быть начеку. Две истории он знал от начала до конца: историю мира начиная с Адама и историю учителя начиная с его матери, единственной родной сестры старого Таруотера, которая сбежала из Паудерхеда в возрасте восемнадцати лет и стала – старик сказал, что будет называть вещи своими именами даже в разговоре с ребенком, – шлюхой, а уже потом нашелся человек по фамилии Рейбер, который пожелал взять ее такую в жены. По крайней мере раз в неделю старик повторял эту историю от начала до конца со всеми подробностями.

Его сестра и этот Рейбер произвели на свет двоих детей, один был учитель, и еще одна девочка, которая впоследствии оказалась матерью Таруотера и, как говорил старик, самым натуральным образом пошла по стопам своей матери, потому что уже к восемнадцати годам была законченной шлюхой.

Старик мог много чего сказать по поводу зачатия Таруотера, ибо учитель ему рассказывал, что он самолично уложил сестру под этого ее первого (и последнего) любовника, потому как считал, что это придаст ей *уверенности в себе*. Старик произносил это, подражая голосу учителя, и мальчик чувствовал, что тон у него при этом выходит куда более дурацкий, чем, вероятнее всего, был на самом деле. Старик заходил в приступе ярости совершенно отчаянной, ибо для подобного идиотизма даже и ругательств подходящих подобрать был не в состоянии. И в конце концов просто махал на это безнадежное дело рукой. После аварии любовник застрелился, к большому облегчению учителя, который хотел воспитать младенца лично.

Старик сказал, нет ничего удивительного в том, что, приняв такое непосредственное участие в рождении мальчика, дьявол будет постоянно держать его под своим надзором и не спустит с него глаз до самой его смерти, чтобы душа, которой он помог появиться на свет, могла служить ему в аду вечно.

– У парнишек вроде тебя дьявол всегда вертится прямо под рукой, он станет предлагать тебе помощь, даст тебе курнуть или выпить или позовет прокатиться и тут же начнет выпытывать и лезть в твои дела. Так что смотри, с чужаками держи ухо востро. И в дела свои никого не посвящай.

Господь для того и взялся лично следить за воспитанием Таруотера, чтобы расстроить дьявольские козни.

– Чем собираешься заняться? – спросил Микс.

Мальчик, по всей видимости, вопроса не услышал.

Пока учитель вел сестру по стезе порока, и вполне успешно, старый Таруотер сделал все возможное, чтобы свою собственную сестру привести к покаянию, однако успеха на этом поприще не добился. С тех пор как она сбежала из Паудерхеда, он так или иначе ухитрялся не терять ее из виду; но, даже и выйдя замуж, она никаких разговоров о спасении собственной души просто на дух не переносила. Муж дважды вышвыривал старика из своего дома – оба раза не без помощи полиции, ибо сам физической силой не отличался, – но Господь всякий раз воздвигал старого Таруотера вернуться, даже при том что опасность угодить в тюрьму была вполне реальной. Если в дом его не пускали, он вставал посреди улицы и кричал, и тогда сестре приходилось впускать его из страха, что на шум сбегутся соседи. Как только вокруг старика начинали собираться соседские дети, она впускала его в дом.

Неудивительно, говорил старик, что учитель стал тем, чем стал, при таком-то отце. Тот был страховой агент, носил соломенную шляпу набекрень, курил сигару, и, стоило только заговорить с ним об опасности, которая грозит его душе, он тут же предлагал продать страховой полис на все случаи жизни. Он говорил, что он тоже пророк – пророк, несущий людям уверенность в будущем, потому что любой здравомыслящий христианин, по его словам, знает, что защитить собственную семью и обеспечить ее на случай непредвиденных обстоятельств есть его наипервейший христианский долг. Говорить с ним было – только время тратить, пояснял старик, мозги у него были такие же скользкие, как глазенки, и слово истины имело примерно столько же шансов просочиться сквозь эту скользкую поверхность, как дождь – сквозь кровельное железо. Но в учителе все-таки была кровь Таруотеров, и, значит, было чем разбавить отцову дурь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.